

● На гастрольной афише ТРИ ЛИКА «БУРГТЕАТРА»

НЕТ, совсем не без оснований возникают после увиденных спектаклей знаменитого венского «Бургтеатра» ассоциации с древнегреческим божеством Протеем, обладавшим способностью всякий раз неузнаваемо менять свой лик. Уже больно необычен и не похож не только внешний вид, но и существо каждого спектакля: будто талантливый коллектив, возглавляемый ныне Ахимом Беннингем, подбирая репертуар для гастролей в СССР, сознательно пошел на то, чтобы

показать как бы три грани, три лика своего искусства...

Что ж, и на этот раз австрийские мастера драматического искусства подтвердили и свою высокую славу, и пристращение к сценическому реализму, к перевоплощению, и верность лучшим и животворным демократическим традициям своего театра.

Уже то, что театр обратился к первоначальной (прозаической) редакции трагедии Гете «Ифигения в Тавриде», связано, как мне думается, с жела-

нием уйти от «декламационности» поэтической версии, как бы психологически приблизить к нам действие. Но, надо сказать, при этом остались и поэзия, и высота чувств героев античного мифа, по-своему переакцентированного Гете в духе просветительского гуманизма. Вряд ли стоит пересказывать содержание мифа об Ифигении, которую отец, царь Аргоса Агамемнон, вынужден был привести в жертву разгневанной Артемиде. Гете менее всего волнуют религи-

озно-культурные мотивы мифа, его привлекает к себе образ Ифигении, и которой ему видится идеал сильной и гармоничной женщины.

Следуя за Гете, театр усиливает гуманистическое звучание трагедии, но в то же время не снимает реальных противоречий: да, царь согласился отпустить Ифигению, Ореста и Пиллада, однако решение это дается ему не просто. Гармония человеческих отношений — еще не реальность в том обществе, где царит насилие, для этого надо изменить бесчеловечные условия существования.

Спектакль покориет мастерством актеров, глубиной их переживаний, безукоризненным владением звучащим словом. Прежде всего все сказанное относится к глубокой и проникновенной трагической актрисе Элизабет Орт (Ифигения). Превосходен Вольфганг Хюбш (Орест), заставляющий нас вспомнить, что когда-то в этой

роли выступал сам Гете. Впрочем, я рискую перечислить всех актеров — Хайнриха Швайгера (Гоас), Франца Мораса (Пиллад), Франца Гриба (Аркас)...

Оформление Фрицем Бутцем народной комедии Йоганна Непомука Нестрой «Любовные заветы и свадебные дела», музыка М. Хебенштрайта и режиссура Л. Линдберга задают стремительный темп этому озорному спектаклю. Здесь очень многое зависит от контраста с главным партнером актеров — зрительным залом. И тот спектакль, который мы видели, отличался именно этой счастливой особенностью: зал дышал, взрывался смехом, аплодисментами.

Калейдоскоп случайностей и пуганицы в общем-то не скрывает того, чем закончится история. Конечно же, свадьба молодых. Конечно же, посрамлением проходивца, «свадебного афериста» Небеля, так

похожего на диспенсовского Джингла (Йозеф Майрад). Впрочем, суть дела не в этом. Как и в русском водевиле, легкость формы и комизм положений, вставные куплеты, народные пошурри из опер, буффонада и гротеск здесь служат одному — обличению смехом. Обличению толстосумов, таких, как бывший мыслник, разбогатевший Фетт (Фриц Мулиар) или разваливающийся на ходу маркиз Винчелли (Йоханнес Шауер), и тех, кто истинные чувства подменяет знаком золотых монет.

И совсем иным предстает театр в горьковских «Дачниках», которые поставил Ахим Беннинг. Спектакль этот — масштабный, глубокий и серьезный по мысли, тревожный, напряженный по сценической атмосфере. Оригинально оформление М. Краля — сценическое пространство бездонно, действие развивается полифонически, одновременно на разных

планах, в том числе в глубине, где бродят даже не люди, а какие-то тени, не знающие, чем занять свое безделье. А в центре дача, ротонда из дерева и стекла, просматриваемая насквозь, — хрупкий, мотыльковый мир обывателей.

Театр бережно относится к горьковскому тексту, верно доносит его идею, глубину социально-философского содержания. Хотя, конечно же, он обращается прежде всего к австрийскому зрителю. В Вене, например, программа спектакля содержит многие сведения о Горьком, о предреволюционном периоде жизни в России, о расхождении в среде интеллигенции, часть из которой пошла на услужение буржуазии. О таких людях и говорит страстно в спектакле Варвара Михайловна — Эрика Плухар: «Интеллигенция — это не мы! Мы что-то другое... Мы — дачники в нашей стране... Мы суетимся, ищем в жизни удобных

мест... Мы ничего не делаем и отрицательно много говорим».

И страшно много лжи в тех разговорах! Театр подчеркивает актуальность звучащего в спектакле обличения «дачников от жизни». Они ярко сыграны актерами — адвокат Басов (Норберт Каппен), инженер Суслон (Вольфганг Гассер), доктор Лудакон (Хайнрих Швайгер), Юлия (Элизабет Орт), литератор Шалимов (Эрнст Якоби), Рюмин (Курт Совинец)...

...Да, всего три названия украшали нынешнюю гастрольную афишу «Бургтеатра», но они дали возможность увидеть нам как бы три неординарных лица талантливого коллектива, три главных направления его сегодняшнего творчества. И впечатления эти останутся, и убежден, надолго в наших сердцах.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.